

Немирович-Данченко Василий Иванович

На далеком севере

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
На далеком севере / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга по Требованию,
2026. – 191 с.

ISBN 978-5-519-99063-9

ISBN 978-5-519-99063-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

запасъ соленого мяса. У насъ остается нѣсколько кусковъ хлѣба, пригоршня соли, да немного воды. Что будетъ завтра, послѣ завтра, если нашу льдину не сотретъ этими вѣчными, мѣрно вздымающимися волнами. Ни слова. Всѣ молчатъ. Бѣдный старикъ-охотникъ и день, и ночь молится Богу, съ тоскою глядя на неподвижное небо. Онъ выплакалъ всѣ свои слезы—и сухіе, воспаленные глаза его какъ будто допрашиваютъ у Провидѣнія, куда оно ведетъ насъ этими загадочными путями: въ бездонныя ли бездны океана, или къ невѣдомымъ материкамъ таинственнаго полюса. Молодой паренъ, недѣлю тому назадъ, уходя на промыселъ, такъ ласково прощавшійся съ своею статною, красивою невѣстой, съ выраженіемъ тупого, словно закаменѣвшаго на лицѣ отчаянія, легъ павзничъ, охватилъ руками свою кудрявую голову и замеръ безъ движенія. Лохматый песъ жмется ко мнѣ и воетъ, словно я самъ не слабѣе его въ эту минуту.

О, безконечная ночь! Когда ты кончишься?

Я въ изнеможеніи закрылъ глаза и забылся. Въ моихъ ушахъ то гудѣлъ прибой волны, набѣгавшей на нашу льдину, то лились какіе-то загадочные звуки, словно рождавшіеся въ моемъ мозгу. Я прислушивался къ нимъ, стараясь отгадать ихъ значеніе. То обрывки знакомыхъ арій, то любимая моя пѣсня, которую въ иной страпъ и подъ иными небесами пѣвали мнѣ дорогія уста. Чья это пѣжная рѣчь, чьи это глаза сіяютъ мнѣ знакомымъ грустнымъ свѣтомъ?.. О, ты склонилась ко мнѣ, моя дорогая! Я снова съ тобою, это твое горячее дыханіе, твои теплыя, мягкія руки... Такъ, это былъ тяжелый сонъ. Мнѣ снилось, моя любимая, что заброшенный на утлую льдину, я плыву на ней по безконечному простору полярныхъ морей... О, какъ я счастливъ, какъ хорошо мнѣ съ тобою! Прижмись ко мнѣ ближе, обойми меня, спой мнѣ ту счастливую пѣсню, которую слышало наше отгорѣвшее подъ веселый смѣхъ и звонкія шутки дѣтство. Я помню, когда въ первый разъ она прозвучала намъ, солнце такъ весело свѣтило въ окна нашего домика, на твоемъ окнѣ распус-

тились красныя фуксіи, за стеклами, словно осыпанная алмазною пылью, колыхалась сирень ароматная, а тамъ, за нею, высились стройныя тополи, зеленѣли молодые дубки, и ярко сверкала волнистая линія говорливаго потока... И поминишь—звуки рояля, эти небрежные, смутные звуки, что такъ глубоко проникаютъ въ душу, и вдругъ эта пѣсня свѣтлая, счастливая, какъ роскошное утро золотой весны, какъ первыя слезы любви, какъ первая улыбка на диво разцвѣтшей красавицы.

— Тонемъ!

Словно громовой раскатъ раздастся надо мною. Я просыпаюсь и вскакиваю. Громадный валъ чуть было не разбилъ ледяную глыбу.

Гдѣ этотъ счастливый сонъ?.. Водяныя брызги осыпали насъ изыбшихъ, продрогшихъ. Мпгозвѣздная ночь виситъ и мерцаетъ надъ нами, косматые гребни валовъ поднимаются направо и палѣво, а впереди мириады этихъ гребней — и нѣтъ имъ конца. Да гдѣ же берегъ, гдѣ край этой мертвой пустыни?

— О, Господи! — слышна молитва старика. — Простри десницу твою надъ нами, днесь сотвори чудо и изведи насъ отсюда, яко извелъ народъ твой изъ Египта. Яви силу твою, Господи!

А волны все набѣгаютъ, и безконечный просторъ все ярче и ярче обливается свѣтомъ разгорѣвшихся звѣздъ. Мѣрно колышется наша льдина, словно убаюкивая насъ передъ близкой кончиною, и мы все плывемъ, да плывемъ впередъ, въ ту непроглядную синеву, гдѣ кончается это полярное море, и незамѣтно пачинается это звѣздное небо.

— Марья, голубка моя! Забдять тебя люди злые, захирѣешь ты, моя бѣдная, за немилымъ! — простоналъ внезапно очнувшійся парень, которому снилась далекая, затерянная въ тундрѣ немсходной, родная деревня, гдѣ, словно цвѣтокъ полевой, выросла его милая, далекая!..

На востокъ чуть брезжетъ. Первые лучи разсвѣта проникли и въ наши измученные глаза. Мы едва ихъ открыли на встрѣчу чудному солнцу.

Легче дышется, больше вѣрится въ близкое спасеніе.

Опять неподвижные глядимъ мы впередъ, въ эту синюю даль, не мелькаетъ ли гдѣ едва замѣтная черта пустыннаго острова, посѣщаемого норвежцами и нашими промышленниками, не забѣлѣется ли, словно крыло одинокой чайки, парусъ поморской шкуны. Часы идутъ за часами. Все небо уже облито алымъ, густымъ румянцемъ начинающагося дня; тише бьютъ волны о неровные бока нашей льдины; вотъ, на краю этого полярнаго моря, словно расплавленное золото, прорѣзался дискъ восходящаго солнца: выше и выше ползетъ оно,—а небо и море безжизненно чисты. Ни земли, ни паруса! И опять въ тупомъ отчаяніи, какъ приговоренные къ смерти, ложимся мы, завернувшись въ скоробившіеся отъ холода совикки. Думы, одна другой мрачнѣе, грезы, воспоминанія прошлаго съ ужасающей быстротой мѣшаются въ моей головѣ, а тутъ надъ ухомъ этотъ вѣчный гулъ, этотъ печальный рокотъ словно кого-то оплакивающаго моря.

О, если бы забыться, только на одинъ часъ, на одну минуту! Стараешься ни о чемъ не думать, а назойливыя, темныя мысли сами лѣзутъ въ голову. А воспоминанія, одно ярче другаго, такъ и выются вокругъ моего ледянаго изголовья. И, не знаю почему, пришелъ мнѣ, наконецъ, на память далекій шумный городъ съ могучею, вѣчнымъ разладомъ кипящею жизнью, съ широкими и людными улицами, скованными гранитомъ, съ высокими, словно гробницы, мрачными домами.

Снова знакомымъ чувствомъ жгучей тоски отозвались эти воспоминанія въ моемъ сердцѣ, и картины, одна лучезарнѣе другой, поднялись передо мною. Всѣ пережитые дни, всѣ пережитыя ночи!...

И пришла мнѣ на память—одна счастливая ночь!

Лунная, свѣтлая, вся потонувшая въ звѣздамъ мерцаніи, въ чудномъ покоѣ.

Я шелъ вдоль одного изъ каналовъ.

Струи его сверкали свинцовымъ тусклымъ блескомъ. Издали звучно падалъ въ воду и звучно подымались бѣлыя

всеза, и изъ-подъ яркихъ брызгъ, впереди серебристаго слѣда, подвигалась лодка быстро и ровно. Передо мною вдругъ поднялись высокіе столбы и желѣзныя цѣпи одного изъ мостовъ. Направо легла широкая, прямая улица; съ бѣлыми, облитыми сіяніемъ домами, съ пустою и тихою площадью, посрединѣ которой изъ зелени тополей и березъ высилась бѣлая церковь съ ярко-сверкающимъ крестомъ.

Все было тихо и спокойно. Я долго шелъ, опустил голову. Певеселыя темныя мысли бродили въ моей головѣ. Вдругъ издали донеслись ко мнѣ какія-то поющія, раздражительныя нотки и стихли въ звучномъ аккордѣ. Вслѣдъ за ними, словно въ самомъ сумракѣ ночи, сгаслось что-то музыкальное, точно въ немъ дрожала еще одна, еще не отзывчавшая нотка.

Я остановился и прислушался.

Звуки опять полились громче и громче. Въ одномъ изъ небольшихъ домиковъ, впереди, были раскрыты окна. Бѣлая полоса свѣта ложилась оттуда на ровную плоскость затонувшей въ тѣни улицы. Подъ яркимъ свѣтомъ, сидѣла у рояля молодая женщина, слегка наклонившаяся. Я различалъ только полураспущенныя волосы, крайнюю тонкую очерченнаго личика и граціозный изгибъ шейки. Вся она была окутана въ легкій бѣлый барежъ. Руки ея небрежно и быстро дотрагивались до клавишъ, и звуки, воздушные и чистые, дивными сочетаніями разбѣгались въ открытыя окна. Мелодія, полная страсти и нѣги! Она пѣла громкую пѣснь любви, съ ея муками и счастьемъ. Грустныя ноты проходили порою какъ темныя тучки на лазурномъ небѣ лѣтнаго полудня.

Я стоялъ и слушалъ, какъ очарованный.

И вдругъ несовершенная пѣсня оборвалась громкимъ рыданіемъ, съ которымъ какъ-то смутно на одно мгновеніе слились послѣднія отзывчія рояля. И снова все стало тихо, затворились окна и не растворялись болѣе. Бѣлая почка плыла надъ городомъ... А я все стоялъ и ждалъ чего-то.

Не знаю почему, эта лунная ночь встала надо мною теперь во всей своей обаятельной прелести, воскресла всѣми своими обаятельными звуками.

И припалъ я лицомъ къ холодной льдинѣ и въ первый разъ зарыдалъ надъ своею безумно растроченною жизнью.

А волны все уносили насъ, далеко-далеко!

А море все искрилось пустынное, безбрежное.

— «Земля, земля!» вдругъ прозвучало надо мною. Я вскочилъ и бросился впередъ къ старику, стоявшему на колѣняхъ, на краю льдины. Иссохшая, слабая рука его была протянута впередъ, глаза не отрывались отъ синевы далекаго горизонта, на которомъ туманно рисовались какія-то неопредѣленные очертанія.

— Земля, земля!—повторялъ за нимъ молодой парень, словно сумасшедшій, бѣгая по небольшому пространству, оставленному намъ ледяною глыбой.

— Земля, земля!—повторилъ я за ними, забывая въ эту минуту всё только что испытанныя мною ощущенія, всё муки и страданія. Прешлое, казалось, отошло въ недосигаемую даль, настоящаго не существовало, только одно будущее неотразимо манило насъ къ себѣ. Каково бы оно ни было это будущее, мы съ трепетомъ радости и надежды ждали его. Что встрѣтитъ насъ на этомъ туманномъ клочкѣ материка—суровыя грапитныя скалы, сѣрая голь безплодной земли, или уединенное, промысловое становище китобоевъ? Что намъ за дѣло! Мы могли попасть тамъ въ лапы голодной семьи ошкучевъ (бѣлыхъ медвѣдей), могли умереть съ голоду,—да не все ли равно, о Боже, лишь бы избавиться отъ этой проклятой ледяной глыбы, лишь бы скорѣе оставить ея колеблющуюся, постоянно омываемую волнами дикаго моря поверхность.

— Гляди, отнесетъ!—предупредилъ парень.

— Не... Къ матерой, прямъ ладить!—отвѣтилъ ему зорко глядѣвшій вдаль старикъ.

— Разобьетъ!

— Для ча? Коли и бултыхнетъ, язи вплавъ не дойдемъ? Гляди-ко растетъ какъ!

Благодатный берегъ быстро выросалъ передъ нами.

Края его ширились и ширились. Пѣсколько разъ мѣнялись очертанія его вершинъ. Никто изъ насъ не отрывался отъ этого далекаго оазиса, гдѣ конецъ нашимъ страданіямъ и скитальчеству. Каждый создавалъ себѣ картину мало-помалу опредѣлявшагося острова.

— Хорошо, коли становье есть. Избы поди-чай цѣлы.

— Двадцать лѣтъ по морю хожу, а этого острова не видалъ. Матка не матка, и не Колгуй-островъ! — раздумчиво повторялъ старикъ, пристально вглядываясь туда.

— Да и запасы въ избахъ имѣются. Тащера, главное вода чтобъ.

— Что это зеленѣетъ по немъ — словно лѣса бы? — Мы еще пристальнѣе стали всматриваться въ туманную даль спасительнаго берега. Сердце билось часто и сильно, грудь высоко подымалась, въ каждомъ росла первая сила. Парень уже свернулъ было свой совикъ, чтобы не мѣшалъ на случай, еслибы пришлось плыть до берега. Только одна собака попрежнему безнадежно выла, оглядывая море и небо и прижимаясь къ намъ.

— Гляди, братцы! — отчаянно крикнулъ старикъ. — Край отъ, край-отъ!

Мы замерли отъ ужаса.

Одна изъ береговыхъ окраинъ медленно поднялась на небо и расползлась по немъ стѣною тучкой. Скоро и весь благодатный край, тихо вздымаясь, повисъ надъ синевою моря.

— Туча, Господи! — простоналъ парень.

Увы, передъ нами снова ширился однообразный пустынный просторъ. Только жемчужная тучка, отливаясь подъ лучами солнца перламутровымъ блескомъ, тихо плелась по лазури чистаго неба, вытягиваясь и охватывая его своєю прозрачною дымкой... Мы недвижно стояли на краю ледяной глыбы.

Ни мысли, ни сознанія!

Медленно, словно обморочно, билось сердце, руки безсильно опускались, въ глазахъ у каждаго стояли слезы.

Первый очнулся парень. Тихо развернувъ совикъ, онъ

закутался въ него и снова легъ навзничъ. Тупо поводя глазами, оглядывалъ опъ эту безпредѣльную гладь.

— Помирать, братцы, пора пришла!—простоиалъ старикъ.

— Въ водѣ,—акула съѣстъ.

— Никто какъ Богъ—его святая воля!

Мы раздѣлили послѣдній хлѣбъ и выпили послѣднюю воду. Полнѣйшая безпомощность охватила насъ. Отпынѣвъ страданіямъ этого страшнаго скитальчества присоединялись голодъ и жажда.

— Собака есть!—словно отгадалъ общую мысль парень.

— Вѣрный-отъ? Что-жъ ты его съишь, товаришша?..

Вѣрный, словно чувствуя, что говорятъ о немъ, завылъ еще громче и заметался по скользкой поверхности нашего плавучаго островка.

А волпы все набѣгали, гряда за грядою, медленно и ровню, съ глухимъ рокотомъ, слизывая бока нашей льдины. Впереди и позади, направо и налѣво—одинъ безконечный просторъ, одна мертвая пустыня.

Ни звука, ни слова!..

— О, Господи! Спаси несчастныхъ скитальцевъ!—повторяю я вслѣдъ за старикомъ, провожая уже исчезающую на противоположной сторонѣ лазурнаго неба тучку...

Опять полярная ночь. Опять по небу заходили сполохи—а мы все плывемъ да плывемъ въ непроглядную даль. Вновь засвѣтилась зорька, разцвѣло ясное утро—а конца нашему пути невидно. Та же морская да небесная снѣжь, тѣже косматые гребни этихъ вѣчныхъ волнъ, та же тоска окающая... Ни капли воды, ни крошки хлѣба! Голодъ и жажда. Каждый изъ насъ лежитъ неподвижно, завернувшись въ свой совики. Ни искры надежды! Кажется, это море безконечно.

Мимо насъ проплыла акула. У самой льдины она граціозно повернулась животомъ вверхъ и могучимъ хвостомъ подбросила цѣлую тучу брызгъ и пѣны. Вотъ оно—это

чудовище морей и океановъ. Мы съ ужасомъ всматривались въ него, словно предчувствуя, что и намъ суждено въ невѣдомыхъ глубинахъ быть пожранными этими царями водяныхъ пространствъ. Даже собака, и та, по-видимому, поняла опасность. Мгновенно примолкнувъ, она только дрожала, глядя на это колоссальное тѣло, такъ прихотливо извивавшееся среди набѣгавшихъ валовъ.

— Прошла, слава Богу, — прошепталь паренъ, когда акула очутилась сажень за десять отъ ледяной глыбы.

— Идетъ, идетъ. Опять идетъ!

Мы невольно дрогнули. Я стоялъ ближе всѣхъ къ окраинѣ льдины и не могъ пошевелиться отъ ужаса. Акула, снова шаловливо изгибаясь и подбрасывая воду, подплыла къ намъ и вдругъ обернулась, уставя на меня свои зеленоватые, словно бездонные глаза. Я чувствовалъ, какъ билась каждая моя жилка, какъ отъ висковъ отливала къ сердцу кровь. Меня такъ и тянуло въ воду. Какой-то магнетическій токъ исходилъ изъ этихъ бездонныхъ глазъ. Я протянулъ руки, я уже подался впередъ безъ сознанія, безъ всякой мысли. Это было какое-то обморочное чувство... А глаза чудовища въ это время переливались изъ безцвѣтныхъ въ зеленые, изъ зеленыхъ въ черные, изъ черныхъ въ какіе-то оловянные... Вдругъ что-то завизжало за мною, кто-то потянулъ за полу моего совика — я очнулся и, разомъ отпрянувъ назадъ, поскользнулся и упалъ на льдину. Оглядевшись, я увидѣлъ, что спасеніемъ своимъ обязанъ Вѣрному: это онъ вывелъ меня изъ оцѣпенія, нарушилъ это мертвящее, чарующее безмолвіе.

Мои спутники находились въ томъ же положеніи. Кое-какъ намъ удалось забраться подальше отъ окраины и забиться въ небольшую выбоину. Акула попробовала было могучимъ ударомъ хвоста опрокинуть льдину, но только на одну секунду погрузила ее въ воду. Колыхнувшись разъ или два, наше жалкое пристанище снова поднялось вверхъ — и понеслось въ морскую даль.

Акула медленно плыла за нами.

Акула другой деѣ уже слѣдитъ за льдиной. Мы почти привыкли къ чувству постояннаго ужаса. Нервы ли наши притупились, или голодъ обезсилилъ, только мы стали совершенно равнодушны ко всему, ожидающему насъ. Не все ли равно, умереть въ зубахъ чудовища или утопуть въ бездонномъ океанѣ? А оставаться на этой утлой льдинѣ—значитъ обрекать себя голодной смерти.

Сегодня небо покрыто тучами, сѣрое, сѣрое — низко виситъ оно надъ нами, и море стало такимъ же сумрачнымъ, словно свинцовымъ. На этомъ темномъ просторѣ рѣзко вздымаются, змѣятся бѣлые гребни валовъ, словно гривы миллионовъ чудовищъ, гоняющихся за нами... А земли все невидно! Да мы ужъ и перестали думать о ней.

— Ночь будетъ темна, — прохрипѣлъ старикъ. — Великъ твой грѣвъ Господи! Но безмѣрны и преступленія мои передъ тобою.

«Помѣшался», промелькнуло у меня въ головѣ.

— Пора, братья мои, каяться, не будетъ вамъ спасенія, пока я съ вами!

— Ложись, дядя! — угрюмо проворчалъ паренъ.

— Небось, въ своемъ еще умѣ. Великій я грѣшникъ, товарищи, за меня Господь и васъ неповинныхъ караетъ. Лучше-жъ мнѣ одному пропасть — можетъ, исполнится мѣра святаго грѣва Его — и пошлетъ онъ къ вамъ ангела-избавителя! — И старикъ опустилъ голову на руки.

— Слушайте, братцы... давно это было, а и до сихъ поръ еще душу, словно могильный камень, давитъ дѣло это злое. Молодъ, да богатъ я былъ. Отецъ въ поморьѣ контрабандой разжился — норвецкій ромъ сбывалъ. Известно, и меня ремеслу этому обучилъ. Отчаянности во мнѣ черезъ край было; кажись, изъ одной удали на всякое дѣло пошелъ бы. Разъ это остановились мы со шхуной у города Тромсина (Тромзе), есть такой — почитай у самой нашей границы стоитъ. Шибко мы торговали тамъ. Отецъ послалъ меня съ рыбой. Норвецкіе купцы хорошо насъ принимали, а меня, какъ грамотнаго

да ловкаго—и въ дома свои зазывали. Тутъ и познакомься я съ одной дѣвушкой!..

— Хороша была—моя бѣдная! Какъ теперь вижу—глаза изъ синя-синіе, словно даль морская, примагчивые. Волосы черныя—куда нашимъ бабамъ до красоты такой! Не дурень и я былъ парень—по всему поморью славился. Ну, и спознались мы. Конецъ, пзвѣстно, какой: пришлось ей бѣжать со мною, чтобы отъ стыда избавиться. Пересѣли мы ее, никто не узналъ, какъ выходили, да и осмотры тогда были не то, что нынѣ. Привезъ ее въ поморье къ намъ—анъ грѣхъ ужъ и замѣтенъ сталъ. Дѣвкамъ нашимъ на смѣхъ оставить не хотѣлось; ну, и свезъ ее въ скитъ одинъ: много ихъ тогда въ нашей глухой сторонцукѣ стояло.

— Пришло ей время рожать... Тутъ и случился первый мой грѣхъ—грѣхъ великій! Какъ было дитѣ отцу показать. И отъ него и Марью-то мою (такъ звали ее) спрятали. Вотъ и взялъ я ребенка, словно къ чужимъ намѣченнымъ людямъ свести... да и свезъ прямо въ темный лѣсъ... удавилъ.. подъ сосною тутъ и зарылъ ангела Божьяго, младенца не повиннаго... Овражекъ тамъ такой есть... темный... Господи, Господи! — простоналъ онъ. — Дай мнѣ смерть лютую, сподоби только увидѣть его тамъ, въ Царствіи Твоемъ!

— Воротился. Марья моя выздоровѣла—о сыпѣ сказалъ, что у чужихъ людей растетъ. И такая, братья мои, послѣ самого этого убивства ненависть къ ней неповинной проявилась у меня—понять дослѣ не могу. И гулять-то мнѣ хотѣлось—а куда я съ нею пойду. Любила она меня попрежнему. Сильнѣй ужъ и любить нельзя было. Ласкала, миловала—однимъ мною и жила. Только претило меня отъ нее. Совѣсть ли во мнѣ говорила—или навожденіе бѣсовское—не знаю. Мучилась и она бѣдная; у себя-то дома привыкла не къ такой жизни, книжки читала, на инструментѣ этомъ, что у господъ бываетъ, играла, одѣвалась какъ! А тутъ пришлось ей въ скитѣ жить—а скиты у насъ дичь безпросвѣтная,